

РОСТОК

ВЫПУСК № 307

«Полевые» зарисовки, или Заметки не совсем юного натуралиста

Башмачок настоящий в период цветения. За две-три недели до учёта.

Июнь и начало июля для сотрудников национального парка стали довольно сложными, но плодотворными. Мы хотим рассказать о том, как это было: мониторинг редких растений, долгожданные встречи с теплолюбивым «музыкантом», маленькие «пакости» от раздосадованной матери Природы и детский восторг от преподнесённых ею же «подарков».

Пусть это будет пара забавных и поучительных историй, не связанных сюжетом, но связанных отдельными персонажами... а ещё тем (как в самых эпичных фильмах), что они основаны «на реальных событиях». Помните наш рассказ о безобразнице белке и воспитанном лосе? Так вот: всё о том же, всё о тех же...

Совместное фото «ведущих моделей».

1. О ежегодном мониторинге башмачка настоящего, или Изнывающий экопросовец где-то среди десятка можжевельников.

Первый наш сказ начнётся примерно так же, как эпопея Жени Лукашина в «Иронии судьбы, или С лёгким паром!»: каждый год в конце июня – начале июля мы заходим проведать семейство венекина башмачка. Теперь это даже не просто семейство, а этакий клан, оккупировавший часть опушки и организовавший компактные поселения под лапами елей, сосен и можжевельников. Здесь есть и «почтенные старожилы» – «совет старейшин» (подозреваем, что именно эти «господа» определяют «политику»: куда рассеивать микроскопические семена или же направлять корневища), и средневозрастные «особи», и «молодёжь», и «детсадовцы».

Все растения проходят неприменный, отработанный годами ритуал, в результате которого особи выдаётся символический предмет, знак инициации – бумажный галстучек (шарфик, косыночка, слюнявчик – всё зависит от возраста). Так учёт башмачка превращается в «показ мод» регионального масштаба, а сотрудники парка – в вологодских «кутюрье», придающих бумажному шарфику изящный изгиб линии или оформляющих эффектную бахрому по краю. Здесь вы встретите и Айседору Дункан, и Остапа Бендера, и Пабло Пикассо, гордо и несколько эксцентрично вскидывающих свои «головы» над теми, кто ещё не дорос и кому «по статусу не положено».

В один прекрасный день в самый разгар творческого куража, мечтая о коллекции аксессуаров «прет-а-порте», мы услышали треск и пыхтение в низинке по соседству. Небольшие птички (пеночки, славки, синички, королюки), забыв о

безопасной дистанции, отчаянно драпанули в нашу сторону и расселись на веточках, время от времени бросая недоумённый взгляд, мол, «это по твою душу?». Мы занервничали, на спине проступил холодный пот: а что, если медведь? А если лось? Как вести переговоры?

После очередного особенно громкого пыхтения мы решили не рисковать и, зрядив что есть мочи «Если с другом вышел в путь», рванули в сторону деревни. Где-то на полпути, когда песня была допета, стало ясно: рюкзак подозрительно пустоват, а на шее определённо чего-то не хватает. Лёгкость движений, отличная от стандартного «режима» выючного ослика, стала нас, как ни странно, тяготить. «Батюшки мои! А где же фотоаппарат и тетрадки с таблицами?!» Заорав громче прежнего «И Ленин такой молодой!», мы ринулись за нажитым непосильным трудом и оставленным где-то в куртинке скарбом.

Спустя полчаса, сжимая дрожащими руками сумочку с фотоаппаратом и видеовшими в этой жизни едва ли не больше нашего тетрадами, мы возвращались в деревню к бутербродам и термосу с чаем. Время было обеденное, но есть, как вы можете догадаться, нам не хотелось. Мы сидели на деревянной скамеечке, болтали ногами, слушая крикливых воронят в гнезде, в очередной раз не поделивших червяка, и размышляли, за что же это всё. А вот за что: за сорванный в попытке аккуратно спуститься с отвесного склона мох, за истоптанные в угаре «полевых» работ растения, за раздавленные шарики земляники и ненароком сломанные веточки рябины и крушины.

Стоит ли рассказывать о том, что все последующие «походы» предварялись обязательным обрядом жертвоприношения. Следуя заветам наших финно-угорских предков, мы низко кланялись матушке Природе, предлагали скромные угощения: кусочки хлеба, яблока и печенки. Мы обещали быть аккуратней и внимательней к её богатствам, благодарными за дары... и чуть-чуть смелее. И, возможно, благодаря этому башмачок удалось учесть без существенных для штата национального парка потерь.

2. Как-то в конце мая – начале июня мы просматривали почвенные ходы личинку цикады горной, напевая известный «вологодский» шлягер: «Где же моя большелая, где? В норке сидит на высокой горе...» и делая заметки в таблицах.

Было довольно холодно, с неба мелко сыпалось, поэтому появившиеся к этому времени насекомые сидели в своих уютных убежищах и «пили чай» с цветочными сладостями или же (как некоторые знакомые нам жужелицы) доедали очередной «бифштекс».

Замечательная «муха».

Поработав так часа с полтора, мы начали ворчать и злиться на судьбу: третий год бегаешь, как сайгак, подсчитывая норки и хитиновые шкурки, а взрослую особь в глаза не видел. Как эта неведомая цикада «поёт», каким образом питается, с каким звуком пролетает над головой? Мы злились на всё цикадые семейство, обвиняли в несправедливости, невнимательности и неподобающем поведении. От этого увлекательного занятия нас отвлекла какая-то крупная коренастая муха, присевшая на плечо. Тихонько выругавшись, мы смахнули её рукой и продолжили с того, на чём остановились. Мы жаловались Природе на недостаточно лояльное отношение к нашим персонам, к тому, что мы вот уже третью неделю работаем по субботам, таская за плечами гигантский рюкзак, что мы устали, что все, ну вот абсолютно все сейчас сидят на грядах и с удовольствием выпальывают сорняки, а в перерывах пьют кофе со сгущёнкой и смотрят видео с котиками. А мы вот здесь, под моросящим дождём. Ещё и без цикады...

Душа так и лилась в этих песнях тоски, но ей помешала всё та же здоровая муха, которая без многочисленных кругов вокруг головы подлетала и аккуратно присаживалась на плечо. Острое желание прихлопнуть летунью спровоцировало лёгкий зуд в руках, и мы, прицелившись, устремили взгляд и мокрые ладошки к этому шестиногому надоеде. На плече сидела цикада – самая настоящая! И внимательно смотрела своими большими круглыми глазками на того, кто уже минут тридцать сетует на жизнь. Ей, вероятно, было холодно, очень холодно, ведь такие нежные создания более свойственны южным краям, а не нашим средним широтам. Потом подлетела ещё одна, более крупная, с замечательным «тигровым» брюхом, стеклянными «витражными» крыльями и таким же удивительно мудрым, понимающим взглядом.

Так, втроём, мы просидели достаточно долго, рассказывая друг другу о том, как в Кирилловском районе осели первые «цикады» поселенцы, как оказавшиеся почти что случайно в этих местах экзопросовцы обнаружили первые признаки присутствия редких насекомых, как вот уже три года топтали склоны, не надеясь встретиться с предметом обожания. Чуть только распогодилось, очаровательные приятели коротко поклонились, пожелали удачи и улетели искать солнце.

И вот точка опоры была найдена, надежда обретена, а вознаграждение от строгой, требовательной Природы получено. Как всегда, избыточно щедрое и крайне неожиданное.

Н. ГУБАЙДУЛЛИНА, пресс-секретарь Национального парка «Русский Север»

Фото и рисунок автора

Садовый и каменный шмели пьют чай.